

Г.Г. Мозгова
Член Союза краеведов России,
г. Владимир

С.И. Цейтлин
Краевед,
г. Иваново

«Контрреволюционное формирование из числа фотографов» города Иваново

В статье рассказывается о фотографах г. Иваново-Вознесенска (Иваново), ставших в 1930-е годы жертвами политических репрессий. Текст написан на основе материалов следственных дел архива Управления ФСБ по Ивановской области. В статье приводятся биографии четырёх профессиональных фотографов, обвинённых в шпионаже в пользу японской разведки.

Ключевые слова: профессиональные фотографы, жертвы политических репрессий, г. Иваново-Вознесенск (Иваново), история.

В процессе исследования, посвящённого фотографам, владевшим фотоателье на территории Шуйского уезда Владимирской губернии, а затем на территории Иваново-Вознесенской губернии (в рамках перешедших в её состав земель бывшей Владимирской губернии), мы занялись изучением биографии кохомского, а затем иваново-вознесенского фотографа И.Ф. Вермаховского. Поскольку Вермаховский был репрессирован, мы обратились за разрешением на просмотр его дела в архиве Управления ФСБ по Ивановской области. Естественно, основным кругом общения Вермаховского оказались те, чьей профессией являлась фотография, и тут перед нами развернулась печальная картина: жертвами политических репрессий среди ивановских профессиональных фотографов оказался далеко не только Вермаховский. Рассказ о судьбах членов так называемого «контрреволюционного формирования из числа фотографов» и является целью данной публикации.

ВЕРМАХОВСКИЙ Иосиф Францевич (1889–1938) [1; 7]. Белорус (в следственном деле – поляк). Родился в деревне Якоши Друйской волости Дисненского уезда Виленской губернии, которая на момент его ареста находилась на территории Польши. Родители – крестьяне. Отец Франц Викентьевич в молодости работал на паровозостроительном заводе в Харькове, затем на стекольном заводе в Псковской губернии, на склоне лет был столяром. В 1901 г. Иосиф Вермаховский поступил на стекольный завод «Лезавичи» в Псковской губернии в качестве шлифовщика-отрезчика. Одновременно «закончил 4 группы» начальной школы. В 1912 г. семья Вермаховских переехала в Ригу, где Иосиф поступил работать на чугунно-литейный завод Ф.К. Бартушевича в качестве помощника литейщика. Одно время он учился в Рижском городском училище, которое вынужден был оставить вследствие низкого материального положения семьи.

По всей видимости, фотографическое ремесло Иосиф осваивал в одном из рижских

профессиональных фотоателье, поскольку, согласно биографии, написанной его сыном, в 1914 г. на момент ухода на фронт работал в Риге фотографом, очевидно, наёмным. По мобилизации был отправлен в Варшаву, служил писарем на санитарном поезде, «работал в штабе 1-й армии топографическим фотографом». В августе 1918 г. был мобилизован Самарским правительством в Белую армию Колчака, где работал фотографом до декабря 1919 г.». В январе 1920 г. перешёл на службу в Красную Армию; являлся красноармейцем 68-й бригады и до 24 августа 1921 г. служил письмоводителем, а также «делал диапозитивы для лекций». Демобилизовавшись, поселился в Витебске, где с 1922 по 1926 год работал фотографом в артиллерийском дивизионе по вольному найму.

Интересно, что фотографии Вермаховского именно этого периода сохранились. В Омском государственном историко-краеведческом музее находится альбом, в который помещены 39 фотографий, на большей части которых в нижнем углу, чаще всего в правом, сделано тиснение, по форме напоминающее то, которым Вермаховский пользовался, работая в Иваново-Вознесенске – круг, только с «отрезанной» нижней частью: «Фот. арт. IV стр. корпуса Вермаховский». И лишь в углу одной фотографии, показывающей приём в почётные пионеры военного, награждённого четырьмя орденами Красного знамени, надпись сделана от руки: «Фот. Вермаховский». По сообщению заведующего отделом хранения и научного изучения музейных фондов Е.В. Мишкиной, альбом был подарен командованием 27-й Омской стрелковой дивизии Омскому губернскому исполнительному комитету Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов к восьмой годовщине Красной Армии.

Дивизия была создана в августе 1918 г. как левобережная группа войск Казанской группы Восточного фронта и в декабре 1920 г. получила почётное наименование «Омская», поскольку в ноябре 1919 г. отличилась в Омской наступательной операции. С 26 сентября 1925 г. она носила почётное наименование «имени Итальянского Пролетариата». Из омского музея сообщили также, что, начиная с 1922 г., дивизия дислоцировалась в Орше, Вязьме, Смоленске и Витебске.

Ряд фотографий выполнен летом 1924 г. и имеет отношение к 80-му стрелковому полку 27-й стрелковой Омской дивизии. Фотографии посвящены празднованию 80-м полком шестой годовщины дивизии. На них запечатлены митинг, открытие памятника погибшим бойцам 27-й стрелковой дивизии, встреча рабочих организаций, клуб полка, лагерь имени В.В. Воровского, читальня, ленинский уголок. Большая часть включённых в альбом фотографий показывает жизнь артиллерийского полка, вероятно, той же дивизии весной–летом 1925 г., в том числе в лагере: «фигурная маршировка» и «вольные движения» в первомайский праздник, ленинский уголок артшколы (деревянное здание, повторяющее архитектуру мавзолея), внутренний вид казарм, «передняя линейка лагеря», «искусственный полигон» (макет местности), открытая сцена, библиотека, кухня, столовая, продсейхгауз, первомайский обед, кузница, конюшня и коновязь, починочная мастерская, комполитсостав полка, партийная организация, комсомольцы полка (три последние выполнены зимой), беспартийная конференция, «бюро коллектива», «смычка с населением».

В 1926 г. Вермаховский вместе с семьёй переехал на жительство в Иваново-Вознесенскую губернию. Сначала работал «фотографом как кустарь-одиночка» в Кохме. Обе известные на сегодняшний момент фотографии работы Вермаховского выполнены именно здесь. Затем Иосиф Францевич переехал в Иваново-Вознесенск и «открыл свою фотографию, в которой работал до марта 1930 г.». Затем продал фотомастерскую Пролеткульту¹ за 2500 рублей и до ареста работал в фотографии Пролеткульту.

На допросе Вермаховский говорил, что работать приходилось с 7 утра до 10 часов вечера. Однако он трудился не только в фотоателье. Вермаховский подготовил такие фотовыставки как «Ивановские ударные бригады», «Миловские торфоразработки» (при селе Миловское Тейковского района), выставку ко Дню союзника, проходившую в кинотеатрах «Арс» и «Ангар». Иосиф Францевич отмечал: «Когда я приехал в Иваново-Вознесенск,

---

¹ Пролеткульт (сокращение от Пролетарские культурно-просветительные организации) – массовая культурно-просветительская и литературно-художественная организация пролетарской самодеятельности при Наркомате просвещения с 1917 по 1932 год.

местные фотографы меня невзлюбили из-за того, что качество фотографий было выше, чем у них».

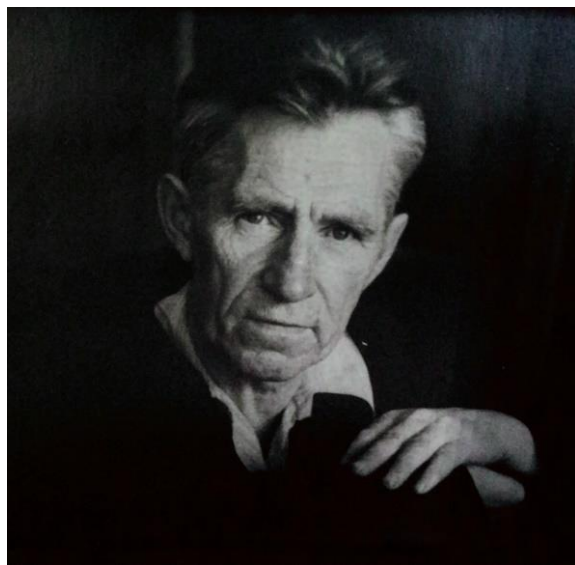
И.Ф. Вермаховский был беспартийным. Его женой являлась Елизавета Иогановна (ок. 1892 – до 1968), «немка по национальности», портниха, работавшая, по словам сына Эдуарда, в швейных мастерских. Не в пользу Иосифа Францевича было то, что его родственники проживали за границей: отец – в местечке Криславка вместе с сыном Яковом; брат Франц – в Польше; сёстры Анна и Александра – в местечке Идрица бывшего Двинского уезда Витебской губернии, в 1918 г. вошедшего в состав Латвии. Сестра Франциска Грамаковская в 1930 г. была «раскулачена» и выслана в г. Краснокамск, где работала на бумажном комбинате. Со всеми перечисленными родственниками и младшей сестрой Евой И.Ф. Вермаховский не виделся с 1914 г., однако вёл с ними переписку.

В 1930 г. Вермаховский был репрессирован в первый раз по п. 10 печально известной ст. 58 УК РСФСР «Измена Родине», предусматривавшему наказание за «антисоветскую агитацию и пропаганду». Он был приговорён к заключению в концентрационный лагерь сроком на пять лет с 9 октября 1930 г. и отбывал его в Белбалтлаге, работал на строительстве Беломорско-Балтийского канала, соединившего Белое море с Онежским озером, с выходом в Балтийское море и к Волго-Балтийскому водному пути. Канал был построен в рекордно короткий срок – между 1931 и 1933 годом, стал одной из значительных строек первой пятилетки (1928–1932) и её гордостью. В контексте нашего рассказа важно, что это было первое в СССР строительство, которое велось исключительно силами лагерных заключённых.

Отвечая в 1938 г. на вопрос следователя, среди «близких знакомых во время отбывания наказания за контрреволюционную агитацию» Вермаховский назвал Александра Карловича Булла (1881–1942/1944) – представителя знаменитой дореволюционной петербургской (петроградской) фотографической семьи, мастера фоторепортажа, снимавшего события Февральской революции, а затем сотрудничавшего с большевистской властью, являвшегося членом правления Ленинградского общества деятелей художественной и технической фотографии, автора фоторепор-

тажей в журналах «Пламя», «Петроград» («Ленинград»), «Красная панорама». В 1928 г. А.К. Булла был арестован по обвинению в подделке документов, поначалу отбывал свой срок на Соловках, затем был переведён в Белбалтлаг, где работал фотографом на строительстве Беломорско-Балтийского канала; после освобождения остался на стройке, а затем перешёл на строительство канала Москва–Волга, где работал фотографом от фотослужбы Москвоволгостроя (Дмитровлага). По завершении строительства уехал в Москву к дочери. После освобождения Вермаховский переписывался с А.К. Буллой.

26 апреля 1933 г. И.Ф. Вермаховский был досрочно освобождён, вернулся в Иваново и приступил к работе в фотографии Управления по делам искусств (фотографом при Театре музкомедии), где и работал до дня следующего ареста, на момент которого (3 июня 1938 г.) являлся заведующим производством фотоателье. На этот раз Иосифа Францевича обвиняли по п. 6 всё той же ст. 58 УК РСФСР в «проведении шпионско-разведывательной деятельности в пользу одного из иностранных государств».

Автопортрет Н.Н. Киселёва

Из дела следует, что в основном круг знакомых Вермаховского состоял из тех, кто имел непосредственное отношение к его профессии: профессиональные фотографы с ещё дореволюционным опытом работы Леонид Павлович Григорьев и Теофил Матвеевич Попель; фотограф Народного дома творчества Сергей Александрович Орлов; бухгалтер в фотографии Пролеткульта Сергей Фёдоро-

вич Хохлов; фотограф Архитектурно-планировочного управления Горкомхоза Николай Николаевич Киселёв, ретушёр фотографии Пролеткульта Юлия Тимофеевна Бабинова, а также клиент фотоателье Вермаховского бухгалтер Горкомхоза Николай Андреевич Киселёв.

Прокладка трамвайных путей. Площадь Пушкина от Туляковского моста. Фот. Н.Н. Киселёв. Иваново, 1934 г. Фотография из фондов Ивановского государственного историко-краеведческого музея имени Д.Г. Бурылина

Товарищеская встреча на стадионе «Динамо». Сборная Иваново – сборная Турции. Команду Иваново выводит капитан А. Жордания. Фот. Н.Н. Киселёв. Иваново, 3 августа 1933 г. Фотография из фондов Ивановского историко-краеведческого музея имени Д.Г. Бурылина

Интересен ответ Вермаховского на вопрос следователя, кем и когда он был «завербован как шпион польской разведки?». Оказалось, что в июле 1928 г. «польским шпионом Вержиловским Люцианом Людвиговичем, который работал в разных фотографиях г. Иваново-Вознесенска ретушёром». «С первых дней после Революции» Вержиловский проживал в Ленинграде, где работал ретушёром в фотоателье. Он «имел большие знакомства», посещал консульство, сотрудниками которого, как предполагалось, и был завербо-

ван, «сообщая шпионские сведения о вооружённости Кронштадта, численности войск, количестве военных кораблей, настроении людей». В 1923 г. Вержиловский переехал в Витебск, а в 1926 г. «прибыл в г. Иваново с заданием сбора сведений шпионского характера». Назвать Вержиловского в качестве вербовщика было безопасно, поскольку ещё в 1929 г. он «заболел и умер».

Между тем работы на польскую разведку следователю было недостаточно. Оказалось, что Вермаховский; «вышел на японскую разведку», что обеспечил высланный из Москвы с запретом проживать в крупных городах фотограф Архитектурно-планировочного управления Горкомхоза Павел Захарович Ефимов. Он познакомился с японцем Шимануки, был приглашён к нему в дом, где хозяин показывал ему «фотографии Японии, как там красиво, какая прекрасная западная культура, а тут в СССР грязь и разруха». Шимануки говорил, что «ничего хорошего при Советской власти не будет, что нужно стремиться к западным ценностям и свергнуть Советскую власть. Когда придут западные друзья, они помогут изменить Россию по традициям запада». Шимануки посещал также квартиру фотографа С.А. Орлова.

Ефимов рассказал Вермаховскому «о своих связях с Шимануки» и стал расспрашивать «о настроениях населения и рабочих, о характере промышленных предприятий». Из дела следовало, что Вермаховский «производил фотоработы на Тейковском х/б комбинате и торфболоте, заснимая производственные процессы этих предприятий».

В обвинительном заключении говорилось, что, проживая в Иваново, Вермаховский «установил связь с польским разведчиком Вержиловским» и был в 1928 г. завербован им «для шпионской деятельности в пользу Польши». По его заданию он вёл шпионскую деятельность до 1930 г., затем был арестован и отбывал наказание. Вернувшись, Вермаховский «был перевербован на Японскую разведку японским шпионом П.З. Ефимовым, который был связан с офицером из Японской армии, стажировавшемся в Иваново капитаном Шимануки Тодамас». По заданию Ефимова Вермаховский собирал сведения о различных предприятиях. Так, например, сведения о работе Тейковского комбината он получал от юрисконсульта из Барнаула А.И.

Кашинцева², вместе с которым отбывал ещё первое наказание, а затем переписывался.

22 сентября 1938 г. Вермаховский был приговорён к расстрелу, приговор был приведён в исполнение. 14 ноября 1955 г. приговор был отменён, а дело прекращено «за недостаточностью собранных улик».

*И.Ф. Вермаховский с сыном Эдуардом
Конец 1920-х гг.*

² **Кашинцев Александр Иванович** (1890–1937) родился в городе Переславль-Залесский Владимирской губернии в семье потомственного дворянина И.С. Кашинцева (1847 – после 1900), титулярного советника, пристава 1-го стана Переславского уезда Владимирской губернии. Окончил Владимирскую казённую мужскую гимназию (1911) и по июль 1916 г. обучался на юридическом факультете Императорского Московского университета. Репрессирован, расстрелян. Реабилитирован в ноябре 1957 г. В свете рассматриваемой темы интересно, что А.И. Кашинцев приходился двоюродным племянником первой во Владимирской губернии женщины, владевшей фотоателье Екатерине Викторовне Соколовой, сын которой Сергей Евгеньевич Соколов на протяжении многих лет содержал фотографическое заведение в Иваново-Вознесенске.

*Праздничный обед артиллерийского полка 1 мая
[1925 г.]. Фот. Вермаховский. Госкаталог.
№ 5193778*

Познакомившись с делом И.Ф. Вермаховского, мы, естественно, решили узнать о судьбах упоминавшихся в нём ивановских фотографов. Но прежде скажем несколько слов о том, где находилась фотография Пролеткульта – то фотоателье, которое первоначально принадлежало Вермаховскому, после его продажи он продолжавшему работать в нём вместе со следующим героем этого материала – С.А. Орловым.

*Групповой портрет учителей Кохомской округи.
1927 г. В центре второго ряда – директор Ясюнинской
школы Аркадий Стефанович Бедринский. Слева – его
жена, учитель Ольга Фёдоровна, урождённая Лавре-
цкая, рядом с ней – заведующий Кохомским отделом
народного образования Григорий Михайлович Белору-
сов. Фот. И.Ф. Вермаховский. Фотография из фондов
Музея истории городского округа Кохма*

Кстати, именно в следственном деле последнего было указано, что фотография Пролеткульта располагалась на Московской улице, что подтвердил и «Список абонентов Иваново-Вознесенской городской телефон-

ной сети» 1931–1932 годов. В нём указано, что фотографии Пролеткульта, располагавшейся в доме № 18* по Московской улице, принадлежал номер телефона 12-98 [13, с. 86]. В областном архиве удалось найти документы, показывающие, как выглядел проект фасада каменного здания, построенного на усадьбе Ивана Семёновича Семёнова по Московской улице [5]. Сейчас это здание надстроено, обновлено, само здание присоединено к зданию церкви евангелических христиан-баптистов. С.И. Цейтлин опросил старожилов, и Лев Николаевич Лобов (р. 1928) рассказал, что помнит, как около 1934 г. его водили фотографироваться в мастерскую, располагавшуюся в здании (он указал на него), в котором сейчас находится магазин по доставке еды «Фарфор». Он также сказал, что с 1935 г. в этом кирпичном доме жил его одноклассник Коля Карпов.

Продолжим рассказ о фотографах, ставших жертвами политических репрессий. В деле Вермаховского упоминался Сергей Александрович ОРЛОВ (11.03.1881 – после 1956) [2]. Родился в Москве и «был сдан в дом воспитанников» (имеется в виду Московский воспитательный дом), откуда передан на воспитание в семью крестьянина-середняка Павла Орлова в деревню Глазово Московской губернии. Имел низшее образование. «Подроском был отдан в фотографию» в Москве, где работал три года. Затем перешёл в другое московское фотоателье, «где стал работать уже за жалование». В 1903–1906 годах Орлов проходил военную службу г. Ломжа Варшавского округа в качестве рядового. Затем до 1914 г. «снова работал фотографом у разных хозяев» в Москве. В 1914 г. был призван в действующую армию, в 1916 г. «попал в плен в Германию, откуда возвратился в 1920 г.». Затем по 1924 г. «работал в центральном Союзе проводником транспортного отдела».

С 1 апреля 1925 г. Орлов проживал в Иваново-Вознесенске, куда приехал по приглашению владельца фотоателье П.А. Григорьева. Работал в мастерской последнего до 1928 г., затем до 1930 г. – фотографом в фотографии уголовного розыска, в фотографии «Динамо» профкома НКВД, а в 1930 г. открыл собственное фотозаведение в посёлке Лежнево и содержал его в течение двух лет. С 1933 г. работал в Иваново фотографом фотоматерской Пролеткульта, с де-

кабря 1934 по 1 января 1936 г. – в фотографии театра Народного дома, откуда был переведён в фотообъединение Ивановского областного управления по делам искусств при театре Музыкальной комедии, где и работал вплоть до ареста. В мае 1938 г. «за хорошую работу и добросовестное отношение к делу» Орлов был премирован фотоаппаратом.

Работу Сергей Александрович совмещал с общественной и профсоюзной деятельностью. С 1922 г. он состоял членом профессионального союза работников искусства (Рабис). В конце 1937 г. «голосованием общего собрания работников фотографий» был избран делегатом областного съезда фотографов, проходившего в помещении кинотеатра «Арс». В августе 1938 г. за активную профсоюзную деятельность был премирован экскурсионной путевкой в Крым. В начале 1938 г. партийной организацией Областного союза фотокиноработников был принят в кандидаты в КПСС.

Ну, а 10 августа 1938 г., как писал сам Орлов, «в 3 часа дня в фотопавильон во время работы явился человек в штатской одежде и предъявил ордер на право ареста». Далее Орлов рассказывал: «Я расписался [в ордере], после чего меня посадили в машину и увезли в НКВД для составления протокола. После составления протокола меня отправили в Хуторовскую тюрьму в 10-ю камеру, где в течение 26-ти дней я ломал себе голову, за что меня посадили. В день моего ареста в моей квартире в присутствии жены был произведён обыск <...> и был составлен акт, который жена подписала, будучи в невменяемом состоянии. На 26-й день моего пребывания в тюрьме меня вызвали на 1-й допрос и предъявили обвинение по ст. 58. п. 6., сказав, что эта статья гласит о шпионаже. Поскольку я не совершал такового, то я категорически отказался от такой постановки вопроса, и что меня не имеют право обвинять в таком тяжком преступлении. Тогда мне сказали, что в 1933 г. я, работая фотографом в фотоматерской "Пролеткульта", фотографировал японского офицера по фамилии Шимануки, который якобы завербовал меня для шпионской деятельности». Допросы продолжались три месяца и, наконец, путём постоянного физического воздействия Орлов был доведён «до невменяемого состояния».

На вопрос следователя о родных и знакомых Сергей Александрович ответил, что родных у него нет, а среди знакомых назвал преподавателя В.Ф. Панкова, фотографа Вермаховского, «близкого знакомого» фотографа П.З. Ефимова и фотографа Сорокина. Из них «связь с границей» поддерживали Вермаховский, отец которого жил в Польше, и П.З. Ефимов, который был знаком с японским офицером Шимануки, посещал его на квартире «якобы по изучению производства фотоснимка». Шимануки «обращался к Ефимову в фотомастерскую с советами по фотоделу», Ефимов даже «договорился с Шимануки о его обучении фотографии». Если вначале Орлов признал, что с Шимануки «познакомился по своей работе, т.к. лично проявлял ему фотоснимки», то позднее в дело была внесена запись, что, «по показаниям японских шпионов Вермаховского и Ефимова», Орлов был «изобличён в том, что имел знакомство со стажировавшимся в 1932–33 годах в авиачастях г. Иванова Японским офицером Шимануки», познакомившись с ним через Ефимова, который и завербовал Орлова «для шпионажа против СССР».

Орлов показал, что квартиру Шимануки неоднократно посещал не только Ефимов, но и Н.Н. Киселёв, причём посещения эти «часто сопровождалась пьянками». Киселёв, по словам Орлова, был выездным фотографом «и редко был в мастерской». Ефимов и Киселёв «были связаны даже в быту» и неоднократно посещали Вермаховского.

Обвинить фотографов в собирании информации для передачи иностранной разведке было легко, поскольку они фотографировали город, предприятия, важнейшие события. Так, один свидетель (подсаженный в камеру уголовник) показал, что Орлов снимал фабрики «БДМ»³ и «Красная Талка», их внутреннее оборудование и даже получил от Шимануки в подарок «серебряный портсигар, который впоследствии сдал в Торгсин». Другой свидетель, возвращаясь в октябре с допроса, слышал, что Орлов «успел передать японскому лётчику материалы, характеризующие состояние текстильной промышленно-

сти г. Иванова (фабрик НИМ⁴ и имени Ф.Э. Дзержинского⁵, Меланжевого комбината⁶)). «В строку» шло всё, даже констатация действительного факта. Так, упоминавшийся выше знакомый Орлова Василий Фёдорович Панков (их, по словам Панкова, «сближала любовь к фотографии») признал, что Орлов «выражал недовольство налоговой политикой на частников», а также говорил, что «в газетах пишут только о хорошем росте снабжения промышленными и продовольственными товарами, однако ничего не купишь».

Поскольку Шимануки к тому времени находился за пределами СССР, а Ефимов и Вермаховский были осуждены (читай – расстреляны), и дело «при таких обстоятельствах» не могло быть рассмотрено в суде, его в марте 1939 г. передали на рассмотрение Особого Совещания при Наркомате внутренних дел СССР. В результате С.А. Орлов в апреле 1939 г. за шпионаж был приговорён Особым Совещанием при НКВД к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на пять лет с момента ареста. Местом отбытия наказания была назначена Воркута Коми АССР. Сам Орлов свидетельствовал, что 15 апреля 1939 г. его вызвали из камеры «со всеми вещами» и объявили постановление.

Находясь в лагерях, Орлов «неоднократно писал в центр: Верховному прокурору Берия, в 1944 г. писал Сталину и получал извещения, что моё заявление получено и направлено на рассмотрение». Жена Орлова Александра Яковлевна в 1943 г. обращалась к областному прокурору с просьбой о пересмотре дела мужа и «предоставляла ряд характеристик от работников фотографии и профсоюзных работников». Безрезультатно. «Незаслуженное наказание» Сергей Александрович отбывал не пять, а семь лет и восемь месяцев.

---

⁴ НИМ – Новая ивановская мануфактура, одна из крупнейших в Иваново-Вознесенске текстильных фабрик. Основана в конце XVIII века купцом Кокушкиным, с 1956 г. носила имя Н.А. Жиделева.

⁵ Фабрика была открыта 7 ноября 1930 г., осуществляла прядильное производство и пошив одежды. Здание в стиле конструктивизма было сооружено из железобетонных конструкций одним из первых в СССР.

⁶ Промышленная деятельность Меланжевого комбината была запущена в начале ноября 1929 г. и охватывала весь спектр отраслей текстильного производства – от кручения пряжи до обработки тканей. Предприятие занималось также покраской текстильных изделий.

---

³ БДМ – Большая Дмитровская мануфактура. Это название в 1918 г. было дано фабрике Зубковых – первой национализированной фабрике Ивановского края. Позднее – Ткацко-прядильная фабрика имени С.И. Балашова.

С.А. Орлов был освобождён в апреле 1946 г. и в октябре вернулся на жительство в Иваново. Судя по документам дела, в 1949 г. Управление МГБ по Ивановской области вновь обратило внимание на Сергея Александровича. Правда, в результате было принято заключение «в настоящее время т. Орлова к уголовной ответственности не привлекать». Было учтено, что «документов по делу Орлова в шпионской работе собрано недостаточно», а также его «преклонный возраст (67 лет)» и «отсутствие враждебной деятельности после освобождения из лагерей».

18 мая 1956 г. С.А. Орлов, работавший санитаром в областном бюро судебно-медицинской экспертизы, обратился на имя прокурора Ивановской области с просьбой «проверить [его] дело и снять с [него] незаконное обвинение в таком тяжком преступлении и восстановить [его] в правах Советского гражданина полностью». Орлов сообщал: «Никаким шпионом я не был, а также врагом Советского государства и народа, будучи патриотом и защитником своей Родины в годы империалистической войны, участником которой был с 1914 по 1920 г.».

На этот раз на обращение отреагировали, Орлов был допрошен старшим следователем следственного отдела Управления КГБ по Ивановской области. В деле было отмечено, что Шимануки, по состоянию на 1934 г. офицер японского Генштаба, в 1945 г. «в чине подполковника находился в Румынии в Бухаресте в составе Японского посольства», однако установить, «относятся ли эти сведения к проверяемому Шимануки, не представлялось возможным. Также в дело была вложена справка от 30 августа того же года о том, что «сведений о причастности к организации шпионской разведки на Орлова С.А., Ефимова П.З. и Вермаховского И.Ф. в КГБ при Совете Министров СССР не имеется». В результате 4 октября 1956 г. было подано обращение в Военный трибунал Московского военного округа с просьбой о прекращении дела Орлова за отсутствием состава преступления. 26 ноября определение Военного трибунала было объявлено Орлову.

Отметим, что единственная дочь С.А. Орлова Маргарита Сергеевна (27.03.1928 – начало 2000-х) 20 декабря 1957 г. в Кохомском сельсовете зарегистрировала брак с Анатолием Павловичем Василевским (1929–

1993), в 1976 г. вступившим в Союз писателей СССР. С 1966 г. Василевские жили и работали во Владимире. На доме, в котором они проживали с 1975 г., установлена мемориальная доска, посвящённая Василевскому.

В деле И.Ф. Вермаховского упоминается также Павел Захарович ЕФИМОВ (1885–1938) [3]. Он родился в семье крестьянина-середняка в деревне Шалково, в 1938 г. входившей в Ново-Перовский район Московской области. До 12 лет Павел жил «при родителях», три года обучался в сельской школе. В 1898 г. родители отдали его «учиться в г. Москва по специальности фотографа». Через три с половиной года, закончив учёбу, Ефимов «получил звание мастера-фотографа». С 1902 по 1905 год работал в Москве в фотомастерских, принадлежавших Нейзелю, Тимошенко, Бутаеву, затем по 1910 г. – в г. Харбин «в должности мастера-фотографа» в фотоателье Подзорова, Зуева, Подольского. В 1910 г. Ефимов вернулся в Москву и сначала служил в фотоателье Бенделя, а в мае 1914 г. открыл собственное ателье в фабричном посёлке Щёлково (с 1925 г. – город, с 1929 г. – районный центр Московской области).

С 1916 по 1917 год Павел Захарович служил в действующей армии в качестве рядового, «работал по специальности мастера-фотографа в г. Моршанск», а с 1917 по 1919 год снова содержал собственное ателье в Щёлково. Затем по 1923 г. он проживал на родине в деревне Шалково, работал делопроизводителем в Румяновском лесничестве, а в 1924 г. в который уже раз открыл собственную фотомастерскую в Щёлково, «причём в этот период времени имел уже наёмную силу (один человек)». В 1930 г. фотомастерская была «передана в артель, после чего передана в шефское общество при Союзкино», Ефимов некоторое время заведовал ею.

В сентябре 1930 г. он переехал на постоянное место жительства в г. Иваново-Вознесенск, где с ноября того же года по май 1934-го работал в фотографии Пролеткульта «в должности фотографа, бригадира, заведующего производством», затем – фотолаборантом 2-го хлопчато-бумажного треста, с 1936 по 1937 год – фотографом в Гизлегпром (Государственное издательство литературы по лёгкой промышленности), а с января 1938 г. и до дня ареста (7 июня 1938 г.) – в

фотолаборатории Архитектурно-планировочного управления Горкомхоза.

П.З. Ефимов был беспартийным. Его женой являлась Ирина Михайловна Ефимова, бывшая домохозяйкой.

В результате обыска при аресте у Ефимова, единственного из перечисленных выше репрессированных фотографов, изъяли предметы, говорящие о его профессиональной деятельности: фотоаппарат-увеличитель с конденсатором, фотоаппарат и четыре фотопластинки, химические составы, зажигательницу для вспышки магния, фотолитературу и, разумеется, фотокарточки, в том числе портрет самого арестованного.

На предложение следователя рассказать о близких знакомых Павел Захарович назвал уже известных нам Н.Н. Киселёва, И.Ф. Вермаховского, С.А. Орлова, а также фотолаборанта НИИ текстильной промышленности Владимира Ивановича Сорокина. На вопрос следователя, кого он знает из иностранцев, после оказанного на него давления Ефимов назвал японца Шимануки, проживавшего в Иваново «при авиачасти». Оказалось, что в 1932 г., когда Ефимов работал в Пролеткульте, в фотомастерскую зашёл «японец в штатском с русской женщиной» и стал просить Ефимова «познакомить с устройством фотоаппарата и попросил проявить несколько плёнок». Вместе с сотрудником Сорокиным Ефимов выполнил просьбу посетителя. В августе 1932 г. Ефимов видел Шимануки ещё раз. Тот зашёл в мастерскую Пролеткульта уже с другой женщиной и принёс на проявку ещё несколько фотоплёнок. Дальше Ефимов рассказал: «Я как специалист по фотоделу дал рекомендации по пользованию фотоаппаратом, проявил плёнки. В момент рассказа про процесс фотографирования он убедительно стал просить зайти к нему на квартиру на ул. Лежневской напротив Военного Аэродрома».

Место, о котором говорится в деле, памятно С.И. Цейтлину, много лет работавшему на заводе по ремонту средств танковой связи⁷, территорию которого в предвоенное и

военное время занимали казармы лётного состава и другие служебные помещения. Разумеется, нам было интересно, куда именно приходили наши фотографы, навещая Шимануки. Алексей Петрович Асафьев, работавший на указанном заводе с 1965 г., проживал в доме № 120б по Лежневской улице, кирпично-насыпном двухэтажном 12-квартирном, построенном в конце 1920-х годов. В нём и аналогичном соседнем доме № 120в в начале 1930-х годов жили семьи командирского состава лётчиков. Именно напротив этих домов, стоявших здесь до конца 1980-х годов, был расположен Военный аэродром, ликвидированный после Великой Отечественной войны. Сейчас примерно на этом месте находятся автогаражи, примыкающие к дому № 7 по улице имени танкиста Александрова. О многом говорят и названия, которые носили соседние улицы, начиная с 1927 г.: 1-я Авиационная (с 1964 г. – имени поэта Майорова), 2-я Авиационная (с 1972 г. – Велижская), 3-я Авиационная (с 1965 г. – имени танкиста Александрова), 4-я Авиационная (с 1965 до упразднения в 1999 г. – имени капитана Петрачкова); 5-я Авиационная (с 1965 г. – имени лётчика Захарова). Позднее в этом районе появились улицы Лётная (Ташкентская), 1–3-я Полётные, 3-го Авиаотряда, Аэродромная (названа по месту нахождения бывшего аэродрома), 1–4-й Лётные переулки [10, с. 60, 89, 101, 102, 119, 143, 166].

Итак, в 1933 г. Ефимов побывал у Шимануки, «сделал несколько фотоснимков его комнаты». Шимануки показал ему «фотовиды японских городов, хвалил японскую культуру», Иваново же назвал очень грязным городом. В ответ Ефимов сказал, что он житель Москвы, но «за хранение серебряной валюты» органами ОГПУ был выслан из столицы сроком на три года с запретом проживания в шести крупных городах страны. Что же каса-

---

управлению. В январе 1954 г. была осуществлена передислокация мастерской в г. Кимры Калининской области и переподчинена Начальнику связи Московского военного округа. В 1958–1992 годах предприятие носило условное наименование «Войсковая часть 74011». В ноябре 1961 г. на основании решения Генерального штаба войсковая часть была передислоцирована в Иваново на территорию штаба бывшей авиадивизии. С 1992 г. завод ещё несколько раз претерпевал смену названий. С ноября 2014 г. носит название Ивановский филиал АО «Воентелеком» – ФГУП «733-й Центральный ремонтный завод средств связи» Министерства обороны РФ.

---

⁷ История завода началась в апреле 1947 г., когда в соответствии с директивой Генерального штаба на базе располагавшегося в посёлке Богородское Горьковской области танкового батальона была сформирована часть с условным названием «363-я специализированная мастерская по ремонту танковой радиоаппаратуры». Мастерская подчинялась Главному бронетанковому

ется Иваново, то пояснил, что это «город молодой, развивающийся». Здесь построены крупные предприятия, такие, как Меланжевый комбинат, комбинат имени Дзержинского, фабрика «Красная Талка». Среди проблем указал на то, что в Иваново «плохо с вопросами продовольствия и товарами первой необходимости». По словам Ефимова, в этой беседе Шимануки воспользовался его откровенностью, предложил «оказать помощь как представителю японского государства, а именно: в сборе сведений о промышленных предприятиях г. Иваново, их оборудовании и что вырабатывается каждой фабрикой». При этом Шимануки сказал, что неплохо бы было сделать и проявить «несколько снимков отдельных предприятий».

В протоколе допроса записано, что Ефимов, «будучи обиженным и недовольным Советской властью за административную высылку из г. Москвы, дал согласие собрать шпионские сведения о промышленных предприятиях». В 1932–1933 годах он якобы «собрал и передал Шимануки сведения о количестве промышленных предприятий в г. Иваново, их расположении, какую продукцию они выпускают», а также произвёл «ряд фотоснимков отдельных промышленных предприятий и их цехов, оборудования». Он также передал Шимануки «сведения о политических настроениях рабочих Иваново». На вопрос следователя, каким путём были собраны эти сведения, Ефимов ответил, что он лично «посещал фабрики, их цеха, где производил снимки рабочих-ударников», а в разговорах с ними «узнавал, что вырабатывает фабрика, какое настроение рабочих на фабриках».

Среди посещавших квартиру Шимануки Ефимов назвал С.А. Орлова. Вообще из показаний Павла Захаровича следует, что свои связи с рядом фотографов он «использовал в целях насаждения и расширения шпионской агентуры, работ на японскую разведку». Он «никогда никого не вербовал», однако «выдерживал направление на шпионаж в пользу Японской разведки». В частности, признал, что через него «был привлечён к шпионажу некто Вермаховский, польского происхождения». Ефимов рассказал ему о связях с Шимануки и попросить рассказывать «о настроениях населения и рабочих, о характере промышленных предприятий, так как он давно

живёт в городе», что Вермаховский и делал «в устной форме». Таким же образом были использованы Ефимовым юрист А.И. Кашинцев и фотограф Тейковского комбината Швецов.

Допрошенный по делу И.Ф. Вермаховский показал, что с П.З. Ефимовым, «человеком, административно высланным из Москвы», он «столкнулся», в 1933 г., когда вернулся в Иваново после ссылки и поступил на работу в фотографию ОСПС, то есть областного совета профессиональных союзов. Судя по всему, именно ОСПС была передана фотография Пролеткульта после ликвидации последнего, поскольку известно, что и 1-й рабочий театр Пролеткульта был передан в 1932 г. профсоюзу и переименован в Театр ОСПС [9, 839]

Разговорившись, Вермаховский и Ефимов «сошлись на враждебном настроении к Советской власти», а уже в марте 1934 г. Вермаховский был завербован Ефимовым «в пользу японской разведки». Вообще же в Иваново «из числа фотографов существовало контрреволюционное формирование, ставившее своей целью шпионскую деятельность в пользу Японии». В его составе были Орлов, Кашинцев, Швецов, Киселёв, имевшие «враждебное настроение к Советской власти». Итак, следствие «установило», что по заданию японского разведчика капитана Шимануки, «стажировавшегося в авиачастях г. Иванова» П.З. Ефимов «передавал шпионские сведения о политическом настроении и недостаточном снабжении г. Иванова», а также «делал фотоснимки фабрик и их цехов». От фотографа Н. Киселёва Ефимов «получил карту-план расположения промышленных предприятий, которую передал за вознаграждения деньгами и подарками». Ефимов был приговорён к расстрелу и конфискации лично ему принадлежавшего имущества.

Решением тройки УНКВД по Ивановской области 4 октября 1956 г. дело в отношении П.З. Ефимова было отменено и прекращено «за отсутствием состава преступления». Конфискованное имущество Ефимова «не удалось передать по месту жительства ввиду отсутствия родственников (жены)».

Ещё одним «членом» сфабрикованного «контрреволюционного формирования из числа фотографов» являлся Николай Николаевич КИСЕЛЁВ (10.04.1890–11.12.1968) [4;

12]. В отличие от остальных упомянутых здесь фотографов, Киселёв родился в Иваново-Вознесенске. Его отец Николай Андреевич Киселёв был кустарём-лудильщиком самоваров, применявшим наёмную рабочую силу (5–6 человек). Кроме того Николай вместе с отцом содержал бакалейную торговлю.

Николай Киселёв окончил четыре класса начальной школы. Военную службу не проходил, правда, в 1919–1920 годах работал телефонистом в Воздухоскладе в Иваново. До революции был гравёром («наносил рисунки на матрицы для оттисков на ткани»), в после-революционные годы считался служащим. На момент ареста работал в фотографии Архитектурно-планировочного управления Ивгоркомхоза. Был женат на Зиновии Владимировне (урождённой Соколовой) 48 лет, работавшей библиотечарем в техникуме связи. Кроме того в состав семьи входила 74-летняя мать Киселёва Анфиса Тихоновна (урождённая Замораева) и 13-летняя дочь Татьяна (1924 г.р.).

Мы подняли документы архивного фонда Архитектурно-планировочного управления (АПУ) при Горкомхозе, через которое прошёл целый ряд героев этого материала. Оно было организовано по постановлению Ивановского горсовета от 16 января 1937 г. В приказе по АПУ от 22 февраля 1937 г., устанавливавшем распределение обязанностей, указана фотолаборатория, в которой числится фотограф-лаборант Н.Н. Киселёв. При подведении итогов работы за 1937 г. выяснилось, что план работы АПУ, в котором были обозначены и фотоработы, был выполнен на 37%. Относительно фотомастерской говорилось, что работа в ней «проводилась на протяжении всего года при наличии 50% штата, т.к. мастерская полной загрузки взять не могла по причине отсутствия на рынке нужного количества материалов (бумаги)». Однако, в сводной ведомости производственных штатов АПУ за 1938 г. в фотомастерской значилось уже два работника, очевидно, Киселёв и Ефимов. Причём в состав прямых расходов фотолаборатории на 1938 г., помимо оплаты труда производственного персонала, были включены «расходы по отделке фото-снимков ретушью» в размере 1300 рублей.

После ареста приказом от 4 октября 1938 г. Киселёв был исключён из списков сотрудников Управления задним числом, с 13

августа. С 9 ноября на должность фотографа с месячным испытательным сроком был принят Иван Дмитриевич Иовлев с оплатой размером в 300 рублей в месяц. С 1 сентября 1941 г. решением Исполкома Ивановского городского Совета депутатов трудящихся АПУ было реорганизовано в Управление Главного городского архитектора [6].

Киселёва арестовали 12 августа 1938 г. Он обвинялся по ст. 58 п. 6 УК в том, что «ведёт шпионскую работу против СССР, завербован шпионом Ефимовым, который в свою очередь связан с Японским офицером Шимануки, стажировавшимся в г. Иваново». Мерой пресечения было избрано содержание под стражей в Ивановской тюрьме № 1.

На вопрос следователя о его круге знакомых Н.Н. Киселёв назвал уже известных нам П.З. Ефимова, С.А. Орлова (последние работали вместе, к тому же Ефимов в 1930 г. проживал на квартире Орлова в Лежнево), И.Ф. Вермаховского. Киселёв признал, что «для шпионской работы» в 1933 г. был завербован Ефимовым, которого знал ещё «по совместной работе в фотографии театра Пролеткульта» в 1930 г. Они дружили, бывали друг у друга на квартирах, делились новостями. По показаниям помощника бухгалтера Архитектурно-планировочного управления Горкомхоза Н.К. Щетининой, Ефимов поступил на работу в Горкомхоз в 1938 г. непосредственно по рекомендации Киселёва.

При вербовке Ефимов не сказал, «в пользу какой разведки должен (Киселёв. – *Авт.*) собирать сведения шпионского характера», но затем в разговоре сообщил, что связан с японским офицером, который в 1932–1933 годах стажировался в Иваново. Последний часто бывал у Ефимова в фотографии, «приезжал под видом сдачи заказов по фотографированию», Ефимов же часто бывал у японского офицера на квартире. Киселёв сказал, что лично с этим офицером не встречался и фамилии его не помнит.

Киселёв сообщил также, что по заданию Ефимова «собирал и передавал сведения о политическом настроении рабочих г. Иванова, о состоянии торговли и перебоях в ней», использовал свободный доступ как фотограф на все промышленные предприятия, снимал оборудование и делал лишние снимки», которые передавал Ефимову. Ника-

ких вознаграждений за это Киселёв не получал.

Не в пользу Николая Николаевича было и то обстоятельство, что его брат Леонид проживал за границей. Связи с ним у Николая не было, но следствию стало известно, что «прапорщик Царской армии» Леонид выехал за пределы страны в 1918 г. после Ярославского мятежа, активным участником которого являлся. Уезжая, Л.Н. Киселёв сказал: «Я должен быть там и выполнять долг офицера». В деле указано, что Николай скрывал эти сведения от следствия.

Однако на допросе 30 декабря 1938 г. Киселёв заявил, что «под воздействием напора следователя» дал ложные показания «с тем, чтобы быстрее закончить следствие».

Начальник Архитектурно-планировочного управления Горкомхоза Николай Аркадьевич Шашин (1890–?), отвечая на вопросы следователя, охарактеризовал Киселёва как хорошего фотографа, работавшего в секторе планировки и застройки города. Главной задачей Киселёва как такового были «съёмки для характеристики старого и нового Иванова», однако он также «производил съёмки внутри и снаружи промышленных объектов и оборудования в них». Один раз в 1934 г. Киселёв был у Шашина «для съёмки сада», а в 1932 г. Шашин заходил на квартиру Киселёва «для просмотра ряда снимков для составления альбома "Новое и Старое Иваново"».

Кстати, в 1926 г. в Иваново-Вознесенске вышел художественный альбом «Красный Манчестер», в котором были использованы работы целого ряда фотографов, в том числе Н.Н. Киселёва.

15 апреля 1939 г. Н.Н. Киселёв, не признавший себя виновным, тем не менее, на основании «показаний двух свидетелей Вермаховского и Дарьинского» был приговорён Особым Совещанием при НКВД СССР за шпионскую деятельность к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на пять лет, считая со дня ареста. Пунктом назначения была всё та же Воркута Коми АССР.

В 1946 г. Н.Н. Киселёв вернулся в Иваново и приступил к работе в должности лаборанта (фотографа) Ивановского государственного педагогического института. В ней он продолжал работать и 21 августа 1956 г., когда подал на имя председателя Верховного

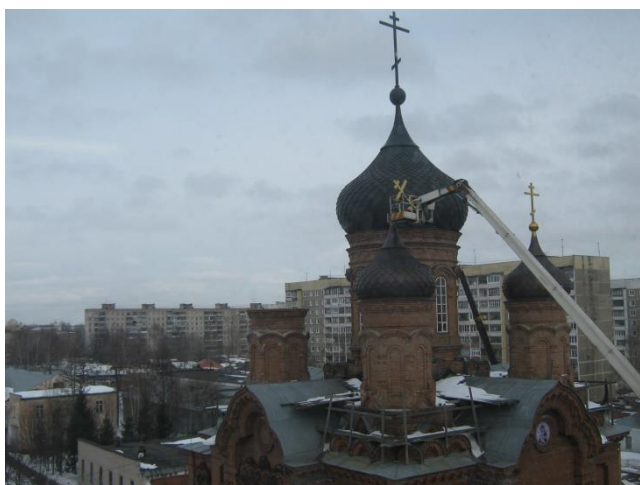
Совета РСФСР заявление с просьбой о пересмотре дела, тем более что все касавшиеся его обвинения являлись «сплошным гнусным вымыслом», а протокол с признаниями в шпионской деятельности он вынужден был подписать, «подчиняясь физическому воздействию следователя». На допросе 1956 г. Н.Н. Киселёв сообщил, что в конце 1930-х годов следователь систематически избивал его, «бил по груди кулаком, даже не давал дышаться, давил на пальцы и применял другие методы наказания». При этом следователь заранее составлял протоколы допросов и заставлял их подписывать подследственного «под физическим воздействием». Киселёв также заявил, что знал Ефимова и Вермаховского «как хороших специалистов по фотографии и как честных хороших людей», причём «никаких преступных действий с их стороны не замечал». Фотографии промышленных объектов г. Иваново он никогда ни тому, ни другому не передавал.

Интересно, что при пересмотре дела Киселёва Управлением КГБ по Ивановской области были выявлены иные сведения о Шимануки, чем те, которые указаны вследствие аналогичной процедуры по делу С.А. Орлова. В справке говорилось, что в 1932 г. между штабом РККА и японским Генеральным штабом «было заключено соглашение о прикомандировании обеими сторонами 2-х офицеров с каждой стороны с целью взаимного обмена опытом и практического изучения языка». Согласно соглашению, в СССР японской стороной были направлены капитан кавалерии Дои – в 1-ю отдельную особую бригаду РККА в Москве и капитан авиации Тадамас[а] Шимануки 1900 г.р. – в разведывательный отдел авиаотряда в г. Иваново. Срок их пребывания в Советском Союзе составлял год, с августа 1932 по август 1933 г. Осенью 1933 г. Шимануки выбыл в Японию. В деле сохранилась и другая справка – Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства: 17 июля 1932 г. на имя коменданта Кремля было подано отношение японского посольства по поводу Шимануки, «желавшего посетить Кремль».

Нам, возможно, удалось проследить дальнейшую судьбу Тадамаса Шимануки. Согласно данным Генерального штаба Красной Армии, с 15 мая по 15 сентября 1939 г. в пе-

риод советско-японского вооружённого конфликта в районе реки Халхин-Гол в воздушных боях и на аэродромах, а также советскими зенитчиками было уничтожено 660 японских самолётов. По данным Японии, 2 июля 1939 г. японская авиация потерь не имела, однако погиб офицер штаба 2-й авиационной дивизии подполковник Симануки Тадамаса (Shimanuki Tadamasa) [11].

12 апреля 1957 г. Военный трибунал Московского военного округа определил, что постановление Особого Совещания при НКВД СССР в отношении Киселёва подлежит отмене вследствие следующих обстоятельств: во-первых, сам Киселёв признал, что вынужден был «оговорить себя вследствие применения к нему незаконных методов ведения следствия», а допрошенные снова свидетели по делу Киселёва 1938–1939 годов, в том числе В.М. Дарьинский, не дали показаний о его преступной деятельности, показав только, что он был знаком с Ефимовым, также работавшим в фотографии Горкомхоза; во-вторых, показания Вермаховского «не могут служить доказательством виновности» Киселёва, тем более что дела Ефимова и Вермаховского «проверены и прекращены за отсутствием состава преступления в их действиях»; в-третьих, «по имеющимся материалам на Шимануки Киселёв не проходит как привлечённый им для шпионской деятельности и в соответствующих архивах не имеется сведений о причастности Киселёва и Ефимова к иностранной разведке».

Установка купола на здании Владимирской церкви. Справа – дом № 7 по улице имени танкиста Александра. Слева от церкви – бывшее здание казармы авиадивизии. Фот. М.Б. Загребин. Иваново, 2012 г.

Фотографии, выполненные Н.Н. Киселёвым, сохранились, в частности в ивановском Музее промышленности и искусства. Они используются на выставках, например, на выставке-экспозиции «Иваново-Вознесенск. На стыке времён». В рассказе о представленных на ней изображениях города говорится: «Искусство фотографии как нельзя лучше отражает образы города советской эпохи. Большинство снимков были сделаны в 20–30-е годы XX века фотографом Н.Н. Киселёвым.

Здание бывшей фотографии Пролеткульта (улица Московская, дом № 18а). 1970 г. Фотография из фотофонда В.А. Кротова

Их негативы он передал музею спустя почти тридцать лет. На снимках, представленных в экспозиции, мы видим процесс бурного строительства, масштабы которого поражают воображение: трамвайные линии оплетают улицы, здания, как вестники новой эпохи и воплощённой мечты, прорастают сквозь историю и время». Фотографии Киселёва запечатлел «отказ от прежнего строя и традиций»; «строительство зданий, иллюстрирующее становление новой архитектуры»; этапы дорожного строительства и появление в городе новых видов транспорта; наконец, «праздничные митинги и советские лозунги на плакатах, знамёнах и растяжках», демонстрируя «роль пропаганды в повседневной жизни людей» [8].

Современный вид здания фотографии Пролет-культы. Фот. С.И. Цейтлин. 2022 г.

За помощь в работе над статьёй авторы благодарят Александра Михайловича Тихомирова, Владимира Александровича Кротова, Михаила Борисовича Загребина, отца Климента (К.К. Радченко).

Библиографический список:

1. Архив Управления ФСБ РФ по Ивановской области. Д. № 3028-П и 3029-П.
2. Архив Управления ФСБ РФ по Ивановской области. Д. № 3501-П.
3. Архив Управления ФСБ РФ по Ивановской области. Д. № 3589-П.
4. Архив Управления ФСБ РФ по Ивановской области. Д. № 4176-П.
5. ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5734. Л. 58.
6. ГАИО. Ф. Р-1175. Оп. 13. Д. 33. Л. 114; Оп. 14. Д. 20. Л. 9об., 186, 195; Д. 33. Л. 5, 80, 81, 85.
7. Документы семейного архива Вермаховских, предоставленные правнуком И.Ф. Вермаховского Александром Николаевичем Вермаховским.
8. Докучаева А.Ю. Выставка-экспозиция «Иваново-Вознесенск. На стыке времён». Иваново, Музей промышленности и искусства. 28 ноября – 30 декабря 2012 года // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 5. С. 126–128.
9. Ивановский театр // Театральная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1965. Т. 4.
10. Имена улиц города Иванова: справочное издание. 2-е изд., уточн. и доп. Иваново: ОАО «Издательство "Иваново"», 2012.
11. Каминский Олег. Японский счёт сталинских соколов [Электронный ресурс] // Проза.ру. – Режим доступа: <https://proza.ru/2018/08/22/694> (дата обращения: 25.01.2023).
12. Львов М.В. «Забытый» фотограф Киселёв // Труды Ивановского областного краеведческого общества. Вып. 1. К 100-летию создания Иваново-Вознесенской губернии / под ред. д.и.н. К.Е. Балдина, к.и.н. В.В. Возилова. Иваново, 2018. С. 178–182.
13. Список абонентов Иваново-Вознесенской городской телефонной сети 1931–32 г. Иваново-Вознесенск, 1931.

©Мозгова Г. Г., Цейтлин С. И., 2023